

Евгений Попов:
«Сколько чудес
и сюжетов
для писателя
вокруг!»

Евгений Попов (1946) родился в Красноярске. Окончил Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе. Широко печатается в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Огонёк», «Континент»... Автор книг прозы, эссе, бесед... которые переведены на многие языки мира. Секретарь Союза московских писателей, один из основателей Русского ПЕН-центра, ассоциированный член Шведского ПЕН-центра. Отмечен премией Союза писателей Москвы «Венец», Министерства культуры Венгрии, многих столичных журналов. Один из создателей альманаха «Метрополь». Евгений Попов принимал участие в казанском Аксёнов-фесте в октябре прошлого года. Тогда и состоялась наша продолжительная беседа

— Наш земляк Ринат Суфеев, в литературном мире известный под псевдонимом Роман Солнцев, как писатель состоялся в Красноярске, там выходили его книги, там он редактировал журнал «День и ночь». О нём мы с вами, коренным красноярцем, сразу разговорились при этой нашей встрече в Казани, которая произошла в год его смерти. Расскажите о писателе Романе Солнцева, ведь всё каким-то неслучайным образом переплелось – Казань, Красноярск, нынешний ваш приезд...

– Путаными будут мои слова о Ринате-Романе. Слишком всё близко, слишком всё рядом, слишком всё – вот только что. На свой день рождения в январе ещё ЭТОГО ГОДА я получил от него следующие шуточные стихи:

Твой отец был мельцанером,
 Мой отец был мельцанер.
 Не был твой отец примером –
 Пил... и мой не ведал мер...
 Ты – Попов, а я – Суфеев,
 Что, по сути, есть Попов.
 Ведь суфисты лихоев-
 Атеистов, как клопов,
 У мечетей жгли и били...
 Значит, милый человек,
 Ты – Суфеев в полной силе,
 Я ж – Попов на весь мой век.
 Ну а то, что есть и Солнцев
 В родове, и Иванов...
 Я хотел быть Билли Бонсом,
 Но ведь лучше, что – Попов!
 У тебя жена – Светлана,
 И моя вся – Божий свет...
 Милый, нам с тобою рано
 Помирать резону нет!

А уже 29 января мне приходит его короткое электронное письмо. Какие уж тут шутки!

«Милый Женя! Кажется, я допрыгался – врачи нашли в желудке серьезную бяку... Нет ли у тебя в Москве знакомых хороших врачей? Скорее всего придётся резать... Светлане не говори. Рома» .

Разумеется, я не знал, не мог знать, что это уже как раз те самые «бетховенские» удары судьбы. Ведь Роман всю жизнь был чрезвычайно мнительной персоной. С самого начала нашего знакомства (написал и тут же поправляюсь) – с самого начала нашей дружбы, которая продолжалась – страшно сказать – 45 лет, с того самого 1962, когда он приехал по распределению из Казани в Красноярск, где я тогда заканчивал десятый класс, баловался литературой и уже имел литературные приключения. Электронных аппаратов для измерения давления тогда ещё не было. Юный Рома частенько (особенно после крупных наших возлияний) хватался за сердце, любил шёпотом считать число ударов собственного пульса, но добился лишь того, что про него красноярская богема сочинила следующий анекдот:

«В Красноярском аэропорту по подозрению в шпионаже арестован поэт Солнцев, который, для отвода глаз держась одной рукой за другую, тайно считал, сколько самолётов находится на лётном поле».

Дурацкий анекдот! Дурацкая жизнь! Не сердце сгубило его, а вот эта самая

Сибирские писатели Роман Солнцева, Евгений Попов, Эдуард Русаков
Фото Василия Попова

«бьяка», от которой он и сгорел в одночасье, мы и опомниться не успели. Вот он, только что был здесь, а теперь его уже нет больше НАВСЕГДА. «Куда ты исчез, Ромаша?» – вопрошал я его в одном из своих писем, не ведая ещё, что дни его уже сочтены.

Но, боже, сколько же он успел сделать в земной жизни, прежде чем покинуть этот мир! Множество стихотворных, прозаических, драматургических сборников. Красноярский литературный лицей, единственное в своём роде на всю страну учебное заведение, где школьников, по выражению В.П. Астафьева, «учили скорее на читателей, чем на писателей». Но и писателей воспитал Роман, совсем новое поколение сибирских литераторов, чьи имена теперь известны далеко за пределами Красноярска – прозаик Александр Силаев, поэты Иван Клиновой и Антон Нечаев.

А его главное детище – «День и Ночь», самый крупный и лучший «толстый» литературный журнал «для семейного чтения» по ту сторону Уральского хребта. Он пестовал его с 1993 года, и последний мой телефонный разговор с ним касался вопросов отнюдь не вечных, а весьма утилитарных, связанных с журналом, с ВЫЖИВАНИЕМ

– не Солнцева, а его журнала. Сотни авторов прошли через журнал за эти годы. Именитые и начинающие, «западники» и «почвенники», прозаики, поэты, эссеисты, живущие не только в Сибири или на Дальнем Востоке, но и во всех, порой самых глухих уголках нашей всё ещё огромной родины. В том числе и в Казани, в том числе и бывшие казанцы, такие, как Владимир Нешумов, поселившийся нынче в Старом Осколе, или Николай Беляев, живущий теперь под Владимиром, или Равиль Бухараев, оказавшийся вдруг – страшно сказать – в Лондоне.

А его недолгое «хождение во власть», которому он отдался с наивной искренностью и желанием сделать хоть что-то! И опять не для себя, для людей его окружавших. Сам он с Галей Романовой, уроженкой Казани, ныне – авторитетной профессоршей Красноярской политехнической академии и его единственной на всю жизнь женой жил, конечно же, не скудно, но скромно. Единственной роскошью в его жизни были, пожалуй, их ежегодные поездки из Сибири «за бугор» во время Галиного отпуска. Прикоснуться к совершенно чуждому социуму не только, допустим, Италии, но и вполне «братских» Черного-

рии, Болгарии – всё это как-то заряжало его, помогало жить дальше. Вот сейчас в Красноярске прошла прекрасно организованная первая Красноярская ярмарка книжной культуры, где одним из основных событий был «круглый стол», который я вёл, под названием «Красноярск – литературная столица Сибири». И это не преувеличение, что – столица. Мне мои именитые коллегиписатели говорили, что были приятно поражены УРОВНЕМ ВОСПРИЯТИЯ их слов и мыслей обыкновенной публикой. Я же им: «А вы полагали, что к дикарям приехали? Вы приехали к литературно воспитанным людям».

Успех ярмарки в большой степени есть результат просветительской работы Романа Солнцева, и «круглый стол» начался с минуты молчания в память о нём, в благодарность ему.

Но о Казани, о Татарстане он никогда не забывал. Он и мне привил любовь к вашей земле и людям, на ней живущим. Его «Лодка пошла на дрова», написанная ещё на «татарском» материале, опубликованная ещё в том «Новом мире», выдержала испытание временем, я недавно эту повесть специально перечитал... А рассказывать о нём можно часами – столько за жизнь было и смешного, и горького. Вот, например, в юные годы, когда мы были бедны как церковные мыши, и я только мечтал о собственной пишущей машинке, Рома вдруг вспомнил, что у него в Казани есть старый «Ундервуд» и велел мне за ним немедленно ехать. Я и приехал, но всё это оказалось чистой поэтической фантазией. Машинка эта ему не принадлежала, ему её тоже на время дали, а меня приняли за самозванца, о чём я горько жаловался Николаю Беляеву, с которым тогда же познакомился. Или вот ещё: в мои студенческие годы он часто останавливался в нашем лихом геологическом общежитии, и однажды, когда мы с ним поздним вечером возвращались из гостей от прелестной Нины Лагранж, редактора «Молодой гвардии», за нами вдруг погналась нетрезвая молодёжная тол-

па, которая, как потом выяснилось, состояла из дружинников-комсомольцев, которым мы почему-то не понравились. Мы пустились наутёк, они догнали нас у самого общежития, на подмогу выскочили друзья-геологи, началась дикая драка, закончившаяся в отделении милиции, откуда нас отпустили, а комсомольцев, к нашей великой радости, ЗАКРЫЛИ. Бывали и при социализме чудеса справедливости! Солнцев ЩЕДРЫЙ был человек, во всех смыслах этого слова, и он меня НЕ СДАЛ, когда у меня были длительные неприятности из-за альманаха «Метрополь». Более того, поддерживал меня, как мог, хотя ему функционеры прямым текстом говорили, что он «не с теми людьми водится» и что это будет для него самого ИМЕТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ. Последнее время мы с ним ежегодно вели семинар на Форуме молодых писателей в Липках. Его ребята обожали, многие его сейчас вспоминают добрым словом. Ведь журнал «День и Ночь» после каждого Форума печатал «молодых», пожалуй, больше и объёмнее, чем все остальные «толстые» литературные журналы вместе взятые.

Старший мой брат из жизни ушёл, Ринат-Роман. Нет у меня больше брата! Вот ходил я этой осенью по Казани, по улочкам, о которых он мне столько рассказывал, ходил и ежеминутно вспоминал его.

– В литературных праздниках в компании с Василием Аксёновым, Беллой Ахмадулиной вы участвуете не впервой. Чем отличается казанский Аксёнов-фест, скажем, от самарского?

– Тем, что он ПЕРВЫЙ (шутка). Первый во всех смыслах этого слова. Самара – великий город, но здесь, в Казани, неповторим вот этот самый трудноуловимый, на невнимательный взгляд, уникальный национальный татарский колорит фестиваля, прекрасно уживающийся с новыми веяниями в искусстве. Сюда органично вписываются и Алексей Козлов, и Андрей Макаревич,

Белла Ахмадулина в Казани на первом Аксёнов-фесте

поль», с тех пор и дружим, с 1978-го, он даже стал «крёстным» моего сына Василия. Кстати, и с Беллой Ахатовной тогда же состоялось знакомство, и она в 1981 году была свидетельницей на нашей со Светланой Васильевой свадьбе. Так что, все мы теперь по истечении времени – в какой-то степени стали родственниками, РОДНЁЙ, и не дай бог, эту взаимоприязнь потерять. Умнейшая Белла однажды обронила такую замечательную фразу: «Из хороших писателей гарнитура не составишь». Это я к тому, что Шукшин и Аксёнов в жизни были, мягко говоря, далеки друг от друга, но если обратиться к их текстам, внимательно читать их, то легко можно обнаружить, что и они – родня. Оба, оба они из народа!.. Оба пострадали от большевиков – у Шукшина отца расстреляли, Аксёнов-старший и матушка Василия Павловича Евгения Семёновна немислимое количество лет отсидели в советских лагерях, он при живых родителях в прямом смысле был «казанской сиротой». И Шукшин в своей поздней прозе явно шёл на сближение с «формалистом» Аксёновым, достаточно вспомнить «До третьих петухов», а у Аксёнова в рассказах, да и в романе «Остров Крым» – пронзительные описания фантазмагорической жизни «простых людей». Да и персонаж его раннего рассказа «На полпути к Луне» Кирпиченко – это ведь будущий шукшинский «чудик».

– Прошу прощения за, может быть, крамольную мысль, но первые произведения В. Аксёнова, которые взволновали поколения читателей, сильно разнятся от последних, скажем, от «Москва-ква-ква», «Редких земель», которые больше напоминают мудрёные литературные игры, лишённые какого-то искромётного, живительного тока. Или я ошибаюсь?

– Читатель, каковым вы, профессиональный писатель, в данном конкретном случае являетесь, не может ошибаться или не ошибаться, высказывая

и Борис Мессерер, и Светлана Васильева, не говоря уже об изысканной Белле Ахмадулиной. И если серьёзно, то я очень рад, что Василий Павлович, на которого всю жизнь клеили ярлык «космополит», наконец-то заново обрёл свою «малую родину», и Казань наконец-то признала своего сына, окружила его теплом и заботой, отдала ему должное. У меня два литературных учителя, два Василия – Шукшин, с предисловием которого вышли в «Новом мире» в 1976 году мои рассказы, принёсшие мне популярность, как говорится, «у широкой читающей публики», и Аксёнов – с которым мы вместе ладили «Метро-

Справа налево: Василий Аксёнов, его друг детства, доктор медицинских наук Ильгиз Ибатуллин и Ахат Мушинский

СВОЁ мнение. Вы считаете так, и это ваше право. Ведь главное не делать орг- и просто выводов. Разумеется, Аксёнов в свои 75 лет более умудрён – и житейски, и писательски, чем во времена «Звёздного билета». Но я-то думаю как раз наоборот – его последние книги, особенно «Москва-ква-ква», поражают меня ЭНЕРГИЕЙ текста, чего так не хватает подавляющему большинству его более молодых коллег-прозаиков, вяло ткущих тексты ПРО СЕБЯ. Любимого или нелюбимого – другой вопрос. А здесь всё брызжет фантазией – надо же додуматься, например, что центр ревизионистского «титовского» антисталинского подполья размещается в мясном ряду Центрального рынка города Москвы. Или что лётчик времён тоталитаризма взял да и отвёз свою девушку на денёк в Биарриц. Ну, а что касается «Редких земель», то мне сейчас пришла в голову простая мысль о том, что вторая часть «Фауста» тоже резко отличается от первой, «сюжетной» – про молодость, кровь и любовь.

– Известно, что на вас, как и на многих других, повлиял напечатанный в 1961 году в журнале «Юность» роман В. Аксёнова «Звёздный билет». Но интересно, какая была ваша вообще первая Книга – книга, которая понравилась, запомнилась, заставила задуматься?

– Я читаю лет, наверное, с пяти. Аркадий Гайдар, Борис Житков, «Витя Малеев в школе и дома», «Мордовские сказки», изданные в 1941 году в городе Саранске, очень, кстати, кровожадные сказки... Но первая книга, которая ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ввела меня в мир жизни и литературы, это – Константин Паустовский, писатель, на мой взгляд, совершенно несправедливо забытый. Из его «Повести о жизни» я узнал о существовании Бабеля, Булгакова и других писателей, которых тогда не печатали. И эти его описания революционной и послереволюционной России – здесь слышен был голос ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО человека, что в моей юности было почти ругательством. Это звучит в моих

устах странно, я считаюсь brutальным, резким писателем, но первые мои литературные опыты, два-три рассказа, написанные в 15-16 лет, были чистой «паустовщиной». А ещё я практически каждый год перечитываю «Остров сокровищ» Стивенсона. Весёлая, мудрая книга на все времена и возрасты.

– Когда и как начали писать?

– Вот тогда и начал писать. Вообще-то первые напечатанные строчки появились у меня ещё раньше. Это была подпись к фотографии, которую я, юнкор (было такое звание «юный корреспондент»), году эдак в 1960-м опубликовал в газете «Красноярский комсомолец». А первый рассказ, вот эту самую «паустовщину» под названием «Спасибо» у меня опубликовали в той же газете, но уже в 1962-м году. Те рассказы, которые я включаю в сборники, я начал писать лет с 19-ти, когда огляделся по сторонам и понял, что жизнь куда интереснее сладких представлений о ней. Эти рассказы долгие годы никто не хотел печатать, ибо персонажами моими стала всяческая философствующая сибирская пьянь и рвань, которую я встречал в геологических экспедициях, где работали так называемые БИЧИ. Они расшифровывали это своё звание как аббревиатуру «Бывший Интеллигентный Человек» и имели фантастические судьбы и опыт. Один из них знал английский язык, которому его обучил в лагере адъютант румынского маршала Антонеску, другой утверждал, что является внучатым племянником Сергея Есенина, третий, сын крупного гэбэшника, был спившимся танцором ансамбля песни и пляски Александрова. Был даже бич коммунист, он летом платил членские взносы в КПСС, а зимой жил в норильской теплотрассе. У всех у них была в прошлом красивая любовь, которая их сгубила. Ясно, что на фоне плакатных строителей коммунизма мои персонажи выглядели странно. Но у меня в Красноярске была литературная среда – Роман Солнцев, Эдуард Русаков. Мы читали друг другу все свои но-

вые вещи ещё в рукописи, безжалостно друг друга критиковали, иногда издавались, сочиняли пародии. Это, кстати, очень помогает писателю. Хуже нет, когда он задирает нос и начинает считать себя совершенством.

– Одни имена красноярских писателей чего стоят – В. Астафьев, В. Распутин, А. Вампилов, Р. Солнцев, Евг. Попов!.. У вас там, на земле вашего края, какое-то особое удобрение для литераторов имеется?

– Ну, Валентин Распутин и Александр Вампилов – это всё-таки Иркутск. Хотя Валентин в юные годы служил в упомянутом «Красноярском комсомольце», если я не ошибаюсь, заведующим промышленным отделом. Он тогда был совершенно другим человеком – весёлым, открытым, не чуждым «западных» веяний и влияния того же Аксёнова. Если не верите мне, посмотрите хотя бы его ранний рассказ «Рудольфио».

Вампилов наезжал в Красноярск, моя первая и единственная с ним встреча была за месяц до его гибели. Мы пили с московскими актёрами, которые под руководством младшего Товстоногова, Александра, Сандро, на гастролях, подальше от столичной цензуры сдавали худсовету пьесу «Прощание в июне», где блистал будущий кумир публики Эммануил Виторган. Вампилов, обильно используя ненормативную лексику, объяснял актёрам тонкости этой его нежной пьесы всё о той же о любви. Актёры ему почтительно внимали. Рассветало, когда мы шли по городу к гостинице «Огни Енисея», где он остановился. Они ведь тогда все дружили, это потом – кто умер, кого жизнь развела. Распутина, Вампилова и Солнцева в один день приняли в Союз писателей на выездном заседании, в Чите, кажется.

А что касается Виктора Петровича Астафьева, то он ведь на родину вернулся уже в зрелом возрасте, уже известным, пожив на Урале, в Вологде. Приехав, сразу же вступил в конфликт с местным коммунистическим началь-

ством, ответив на приглашение посетить крайком КПСС, что он не коммунист, и если нужен зачем-то первому секретарю крайкома, то пусть тот сам к нему едет. Какое-то время его печатали весь мир, но не Красноярск. В 1984-м году он публично, в огромной библиотеке заявил, что лучшим современным русским писателем считает Солженицына, и на некоторое время его имя стали вычёркивать из статей, обзоров. Потом спохватились, что слишком крупная величина, чтобы так с ним поступать. Тем более что «диссидентом» он не был. Но и приручить его не смогли, как некоторых его «заединщиков», с которыми он потом разошёлся. Сибирь – это, пожалуй, действительно, какое-то особое пространство. С очень сильной энергетической аурой. В Красноярске и сейчас есть несколько писателей, широко известных за пределами края. Тонкий прозаик чеховского толка, блестящий стилист Эдуард Русаков, один из основателей «славянского фэнтези», сатирик Михаил Успенский, бытописатель Александр Астраханцев. Плюс поэтесса Марина Саввиных. Плюс Сергей Кузнечихин, описывающий хитроватых сибирских мужичков.

– Англичанин Френсис Грин в опубликованной беседе с вами поведал о встрече с Астафьевым в его деревне Овсянке. Писатель рассказывал ему о войне, о детстве, о том, что разошёлся во взглядах с Распутиным... Какие же разногласия имел в виду Виктор Астафьев? В вашем тексте тоже многоточие.

– Вы знаете, я никогда с ним на эту тему не беседовал, считая это не деликатным. Но знаю, что порой Виктор Петрович отзывался о Валентине Григорьевиче очень резко. Очевидно, его не устраивала позиция Распутина, особенно во время перемен в нашей стране в начале 90-х, которые сейчас стало модно осуждать, как будто все уже потеряли память и не помнят, в каком состоянии была страна в конце коммунистического правления. Астафьев счи-

тал, что все беды России – от коммунистов. Я недавно узнал, что он, тонкий ценитель классической музыки, любил петь диссидентскую песню со словами «Коммунисты поймали мальчишку, затасили к себе в КГБ», есть даже видеозапись, где он исполняет её вместе с внучкой. А может, его не устраивал «мессианский» тон Распутина, своеобразная мифологизация действительности в его основных вещах: ведь там, где ушла под воду «Матёра», были сплошные лагеря, и некоторые сибирские жители, презрев при советской власти заветы отцов и традиции, за бутылку водки сдавали беглых эзков ВОХРе, о чём никогда не забывал Астафьев. Не знаю точной сути разногласий! Ставьте многоточие снова...

– Нет ли ощущения того, что, переехав в Москву, вы оторвались от какого-то очень важного сибирского «горючего» для своей литературной топки? Впрочем, судя по «свежати-не» в печати, современная жизнь в столице подкидывает вам массу калорийной пищи.

– А у меня есть ощущение, что мир, как и предсказывал канадский философ Маршалл Маклюэн, стал одной большой деревней. И это ни хорошо, ни плохо. Это – факт. Как-то, ведя семинар, мы с Романом Солнцевым говорили о том, что ещё пять-шесть назад мы могли безошибочно определить, «кто есть кто» из юных писателей. Кто из глубинки, а кто – столичная штучка. Теперь определить это с налёта невозможно. Они все примерно одинаковы, все прочитали те ОСНОВНЫЕ книги, которые мы раньше ДОСТАВАЛИ, и зачастую парень из так называемой провинции – более дерзкий авангардист, хулиган, чем его московский сверстник. Да вдобавок ещё и чувствует ГЛУБЖЕ, чем литературный модник, описывающий тяжкую жизнь новорусских клерков с зарплатой не менее 3000 у.е. в месяц, пропадающих на престижных тусовках и нюхающих кокаин. Души больше вне Москвы, а суеты меньше, и соблазнов.

И русской современной литературе очень помогает проклинаемый многими Интернет – «молодые» В КУРСЕ литературной жизни, они, живущие в разных частях страны, имеют возможность ЕЖЕДНЕВНО общаться друг с другом.

Я ведь и из Красноярска-то уехал потому, что мне там было тогда не выжить, в тех условиях и с моей репутацией. Или посадили бы, или спился, или пополнил ряды конформистов, что, пожалуй, ещё хуже. Я ведь после разгрома «Метрополя» почти десять лет на родине не был, боялся, что ребят, моих друзей, будут таскать в КГБ за связь с такой «вражиной», зачем людей подводить? Сейчас всё по-другому, и я не уверен, что уехал бы, если бы мне сейчас опять было лет тридцать. К тому же и в Москве люди разные живут, и многие – вполне достойно, в поте лица добывая хлеб свой. А сволочи везде хватает! Я много езжу по своей стране и смею об этом судить. В Кандалакше, Абакане, Воронеже, Казани, Перми, Костроме, в больших городах и на маленьких станциях я встречал и встречаю замечательных, умных людей, с которыми мне легко общаться вне зависимости от их образовательного ценза и литературной эрудиции. Такие встречи – благодать для такого сочинителя, каковым я являюсь. Я ведь не мыслитель, а скорее – наблюдатель.

– Как произошло, что будущего известного писателя Евгения Попова два раза не приняли в Литературный институт?

– Первый раз, потому что я не имел необходимого тогда для поступления «рабочего» стажа в 2 года – это раз. И не был комсомольцем – два. Мало того, не быв комсомольцем, был из комсомола исключён за то, что, ещё учась в школе, вместе с товарищами издавал в Красноярске машинописный ЛИТЕРАТУРНЫЙ (подчеркиваю!) журнал. Мы не знали, что это запрещено, нам ведь сказали с трибуны, что со сталинским прошлым покончено. Мы выпустили 3 номера, совершенно открыто, а потом нас

разгромили. Главным криминалом была статья моего друга, ныне известного писателя и журналиста, уже упомянутого мной Эдуарда Русакова о ПОЭЗИИ (заметьте, не о прозе!) Бориса Пастернака и моя статья под названием «Куль личности и «Звёздный билет». Я поступил в Московский геологоразведочный институт, на «урановую» специальность РМРЭ (разведка редких и радиоактивных элементов), где моя «волчья характеристика», выданная мне родной школой, никого не интересовала. Я рад, что не попал тогда в Литинститут, сломали бы, научили писать разрешённое говно, человек ведь слаб, «цыпленки тоже хотят жить», печататься охота.

А во второй раз, году эдак в 1974-м, разыгралась следующая комическая история, связанная с именем великого артиста и режиссёра Олега Николаевича Ефремова. Он прочитал мою пьесу «Плешивый мальчик», где действовали мои традиционные персонажи: один свою комнату в бараке менял на Париж, другой начисто проворовался в шашлычной, где вместо баранины подавали собачатину, третий демонстративно хипповал. Сюжет пьесы заключался в том (реальная история!), что некий Коля, лётчик малой авиации, ухаживал за стервозной девушкой, которая приехала к нему в маленький городок и согласилась остаться с ним на ночь с условием, что он утром увезёт её на своём самолёте в город К. на работу, чтоб ей успеть. На работу она успела, но он при посадке разбил самолёт, за что сел на два года, потом вышел. Действие пьесы происходит в день их свадьбы и заканчивается самоубийством героя. Ефремову пьеса понравилась, но он сразу сказал, что цензура её не пропустит ни при какой погоде, вон они даже «Утиную охоту» Вампилова выпустить не разрешают. А узнав, что я подал документы в Литинститут, на заочное отделение, чтобы обогатить себя дополнительными гуманитарными знаниями, стал названивать ректору Литинститута Пименову и меня расхвали-

вать. Пименову это надоело, и он сказал, что если я такой сибирский самородок и всё умею, то мне в Литинституте делать нечего, потому что тут УЧАТ, а новоявленных гениев им не надо. Я и умылся во второй раз. Кстати, потом узнал, что за рассказы, которые сейчас печатаются и переведены на множество языков, я получил на творческом конкурсе сплошные двойки и единицы. Такие дела, как говорил Курт Воннегут.

– За создание вместе с В. Аксёновым, В. Ерофеевым в 1978 году надцензурного альманаха «Метрополь» вы были исключены из Союза писателей. А за 20 лет до этого, за выпуск машинописного, самодельного журнала стихов, прозы вас исключили из комсомола, в котором вы, оказывается, никогда не состояли. Что это – одни и те же грабли, рок, свой путь?

– Да, это свой путь. Я не занимался политикой, не был патентованным диссидентом, но сочинять хотел свободно, писать всё, что хочу, с учётом, конечно же, понимания того, в какой стране я живу и кто ею правит. Вы правильно говорите, что альманах был НАДЦЕНЗУРНЫМ. К тому времени уже оформилась, стала явлением вторая, «неофициальная» культура, художники, например, после знаменитой «бульдозерной выставки», жестоко подавленной властями в 1974-м году, получили гетто в виде залов на Малой Грузинской улице, где они могли выставляться со своим «чуждым» искусством, существовали САМИЗДАТ и ТАМИЗДАТ. «Метрополь» был попыткой ЗДЕСЬИЗДАТА, мы хотели издать свои тексты на родине, а не за «бугром». Увы, не получилось. Попали под окончательное закручивание гаек и очередной маразм. Уезжать на Запад я никогда не хотел, слава богу, что не пришлось.

– Василий Павлович бродил по комнатам казанского дома, в котором когда-то жил, а мы с вами невдалеке ждали и разговаривали. Помню, го-

воря о ПЕН-клубе, Михаил Генделев, как и вы же, участник Аксёнов-феста, сказал, что писателю негоже объединяться ни в какие союзы, партии, клубы. Насчёт Международного ПЕН-клуба вы тогда убедительно возражали. Не повторите ли ту свою мысль для наших читателей?

– Тем не менее уважаемый мною Михаил Генделев состоит в различных этих писательских структурах. И одно дело, железобетонный Союз советских писателей со своими фюрерами и гэбэшниками, другое – вольное объединение свободных людей. Какие-то из этих структур решают – ну, хотя бы, профсоюзные задачи. Ведь не вам же мне объяснять, что писатели сейчас практически бесправные граждане, которых приравнивали чуть ли не к любителям вышивки и вязания, ибо наше государство до сих пор не может принять закон о творческих союзах. С 1991 года писатели не имеют стажа за свою профессиональную деятельность, и никто в стране не может решить этот вопрос. Когда меня восстановили в Союзе писателей в 1988 году, то было, помню, какое-то бурное собрание по случаю «перестройки» и меня попросили выступить как «пострадавшего». Я отнекивался, но потом вышел и сказал, что меня трудно заподозрить в симпатиях к Союзу писателей, откуда меня выперли пинком под зад после семи месяцев пребывания в нём. Но что я считаю – НЕ НУЖНО разрушать Союз писателей, он худо-бедно помогает – и молодым, и старым, которые не виноваты, что всю жизнь прожили в тоталитарном идеологическом дерьме. Что если слово ПРОФСОЮЗ кому-то не нравится, то есть слово более звучное ТРЕДЮНИОН. Моё выступление, увы, восприняли как речь юмориста. Союз писателей разрушили, всё, что могли, украли, даже знаменитую поликлинику. Виновных все эти годы искали днём с огнём, но чудесным образом так и не нашли. Вот замечательный «сюжет для небольшого рассказа»: один из чиновников, под-

писавших документ о продаже поликлиники, принёс справку, когда его прижали, что он во время подписания находился в НЕВМЕНЯЕМОМ СОСТЯНИИ, стало быть, ответственности за это не несёт.

– Мы с вами познакомились в 1998 году, когда Русский и Татарский ПЕН-центры ехали в одном поезде на Всемирный конгресс писателей в Хельсинки. Андрей Битов, Белла Ахмадулина, Евгений Попов плюс мы, казанцы, – все вместе набились в одно купе. Тогда я подумал: без ПЕНа бы такого не испытал. Вы ведь, Евгений Анатольевич, стояли у истоков Русского ПЕН-центра?

– Ну, а что касается ПЕН-клуба, то он совершенно не дублирует деятельность Союза писателей, как многие ошибочно считали, а иногда и сейчас считают. Это организация благородных людей, которые своим авторитетом и известностью помогают тем, кому плохо, кого несправедливо обижают. Я это почувствовал на своей шкуре. Меня однажды гэбэшник спрашивает: «А вы, собственно, кто такой?» – «Да я вроде, как-никак, писатель», – отвечаю. «А вы член Союза писателей?» – «Нет, меня исключили». – «Ну вот, а утверждаете, что писатель», – удовлетворённо заметил мой неприятный собеседник.

Так что когда я получил бумагу о том, что Шведский ПЕН-клуб принял меня в свои члены, я снова обрёл писательский статус. Меня уже нельзя было душировать втихую.

Да, я являюсь одним из основателей Русского ПЕН-центра, был вице-президентом, членом исполкома, там и сейчас много энергичных, деятельных людей, которые моложе меня. Им и карты в руки. Несправедливости ещё очень много на земле, и свободу слова нужно постоянно защищать. Равно как и не мириться с антиконституционными попытками введения цензуры ретивыми чиновниками. ПЕН-клуб работает на пользу государства, не во вред ему. В государстве люди, в том числе

и писатели, должны жить счастливо и свободно, уважая друг друга, защищая слабых.

– Из вашей замечательной книги «Опера нищих»: «Русский поэт Лермонтов был по происхождению шотландцем, а немецкий Хайне (немецкий выговор имени Гейне) – евреем. Пушкин – эфиопом, Тургенев – татарин, Лесков – англичанином, Достоевский – поляком, Чехов, естественно, чехом». А Евгений Попов – кетом?

– В каждой шутке есть всё-таки доля истины. Я – коренной сибиряк, и в нашей русской семье бытовала легенда, что одна из моих прапрабабушек была «ясашная татарка». «Ясашными татарами» некогда называли всё местное население, платившее дань русскому царю. Часть моих предков жила севернее Туруханска, в местах обитания народа «кетты». Вот мой персонаж, писатель Гдов, подозрительно похожий на автора, и объявил себя кетом. Кетты – маленькая северная народность с уникальным языком, который, как утверждают учёные люди, сходен лишь с языком американских индейцев, со своей космогонией. Есть даже безумная версия, что они космические пришельцы, и Тунгусский метеорит был космическим кораблем, посланным на Землю, чтобы вернуть кетов на родину. Статей, исследований о кетах во всём мире гораздо больше, чем их самих. Кетов сейчас у нас в стране насчитывается чуть больше тысячи. Двое из них живут в Москве. Это я и мой сын. Мне, к слову сказать, в Казани подарили каляпуш, и я его с удовольствием ношу.

– Мир ваших произведений – далеко не небо в алмазах. Не тяжело ли в своём творчестве постоянно «смотреть действительности в лицо не мигая»?

– Тяжело. Поэтому следует время от времени отводить глаза или всё-таки помаргивать и подмигивать. Тем более что действительность – разносторонняя

и позволяет сменить фокус зрения. Мир ведь не чёрный, не белый, не чёрно-белый, а цветной, в нём разновидностей цвета больше, чем в радуге. И, не знаю, как у вас, мусульман, а у православных одним из смертных грехов считается уныние. Мир не безнадёжен, я верю, хочу верить.

– Не думаете ли продолжить «Рассказы о непонятном»?

– Уже продолжаю, готовлю новую книжку и понемногу печатаю рассказы в журналах. В «Знамени» в этом году был рассказ из этого цикла под названием «Крестовоздвиженский», другой будет в первом номере «Октября», в журнале «Ностальгия» вышел очередной текст про Гдова и Хабарова.

– Чем сейчас живёте, какие планы строите в наше не совсем благоприятное для литературы время?

– Почему неблагоприятное? Посмотрите, сколько чудес и сюжетов для писателя вокруг! Даже ленивому литератору не нужно трудиться и что-то там выдумывать. Возьмите хотя бы выборы. Какие страсти шекспировские разыг-

рываются! Неблагоприятным было время, когда существовала цензура и за писательское слово сажали по соответствующим статьям: клевета и антисоветская агитация. Не дай бог, чтобы это время вернулось. Тогда и стране конец, и её литературе. Страна и литература не выдержат этого ДЕЖАВЮ, когда снова одно и то же, одно и то же, одно и то же, как на заевшей виниловой пластинке. Сейчас практически каждый город имеет своё литературное лицо, а не уксусную физиономию. Интерес к печатному, устному и интернет-слову растёт. Взять хотя бы Казань, где с таким успехом прошёл АКСЁНОВ-ФЕСТ, где появился на свет ваш новорожденный альманах, дитя весьма здоровое, крепкое, издание интересное, разностороннее, пытающееся объединить под своей обложкой литераторов разных поколений и направлений. Так что, дай вам бог удачи и силы продолжать это хорошее, просветительское дело. А про «планы» не скажу. Я в приметы не верю, но заметил – стоит мне где-нибудь болтануть о своих литературных намерениях, работа тут же останавливается, и мои планы обращаются в прах.

*Беседу вёл Ахат Мушинский
Казань, 2007*